

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ КОМПОЗИЦИОННОЙ
СТРУКТУРЫ СУДЕБНОЙ РЕЧИ

Судебную речь условно можно разделить на три составляющие: вступление (вводная часть), основная часть (аргументативная) и заключение (подведение итога). Допросы, предъявление вещественных доказательств, скорее, носят функциональный, процессуальный характер, и попадают под определение процедуры, нежели речи.

Задача вступления – завоевать внимание зала суда, заинтриговать присутствующих и продемонстрировать невиновность подзащитного. Согласно Н.Д. Арутюновой *интродукция* к любому тексту состоит из двух логических этапов: *экзистенциальных предложений*, то есть предложений, которые информируют слушателя о предмете повествования и наименования предмета, введённого в бытие (1, 383). В случае с судебной речью экзистенциальные предложения сообщают слушателям информацию о том, кто является подсудимым либо истцом и какова будет тема разбирательства. Раскрытием же наименования является остальная и по объёму большая часть вступительной речи, которая аргументирует невиновность или правоту клиента. Речь прокурора Томаса Эрскэйна, обвиняющего Томаса Пэйна в авторстве и издании богохульной литературы, является классическим примером судебной речи со всеми композиционными и структурными характеристиками.

Т. Эрскэйн открывает свою речь в соответствии с правилами *интродукции*: “**The charge of blasphemy, which is put upon the record against the printer of this publication, is not an accusation of the Servants of the Crown, but comes before you sanctioned by the oaths of a grand jury of the country**”. Экзистенциальным предложением **The charge of blasphemy, which is put upon the record against the printer of this publication** он сообщает слушателям о предмете разбирательства.

Далее прокурор отступает от традиционных канонов вступительных речей и делает «реверанс» в сторону присяжных, с целью «подкупить» их: “**I thought it of great importance that those who were to decide upon a cause so very momentous to the public should have the highest possible qualifications for the decision**”. Введение подобного элемента в композицию речи может сыграть немаловажную роль: присяжным придется решить дело против обвиняемого, чтобы не потерять репутацию. Сочетание **highest possible qualifications** является в данном случае тем важным элементом когнитивной структуры текста, который не только работает на публику, но и побуждает тех, кому оно непосредственно обращено, к определённым,

желаемым действиям – верному решению. Модальная оценка ситуации усиливается прилагательным **great** в сочетании с существительным **importance**: высококвалифицированные присяжные могут действительно вынести правильное решение (и это чрезвычайно важно для любого дела); а также модальным глаголом **should**, семантика которого заключается в том, что автор речи не обязывает, а побуждает своего собеседника к определённой реакции.

Такое модально окрашенное авторское отступление определяет когнитивную структуру всего текста выступления и диктует соответствующее композиционное оформление поступающей информации.

Вот почему, прежде чем перейти к обоснованию виновности обвиняемого, Т. Эрскэйн затрагивает две темы, которые неразрывно связаны с делом: свободу прессы и ценности Христианства. Композиционная структура речи такова, что тезисы, выдвинутые во вступлении, полностью раскрываются лишь в основной части. Каждая из тем представляет собой микротекст. Тема первого микротекста – это тема свободы печати: **“Free and unlicensed press, in the just and legal sense, of the expression, has led to all the blessings, both of religion and Government, which Great Britain, or any part of the World, at this moment enjoys, and is calculated still further to advance mankind to higher degrees of civilization and happiness”**. Понятие **free press** («свободная пресса») крайне важно для сути дела, прокурор не отрицает тех многочисленных благ, которыми страна обязана ей: **blessings, both of religion and Government** (благословение как религии, так и правительства) и **higher degrees of civilization** (дальнейшее развитие цивилизации).

Предмет речи, «свобода прессы», раскрывается уже в следующем предложении: **“But this freedom, like every other, must be limited to be enjoyed, and, like every human advantage, may be defeated by its abuse”**, - и Т. Эрскэйн придаёт ему необходимую характеристику потенциально подвластного злоупотреблению. Основная смысловая нагрузка в данном высказывании попадает на два контрастных по своей семантике модальных **must** и **may**. При этом, если **must** усиливает выдвинутую мысль о том, что свобода не должна быть безгранична, то последующий **may** указывает на имевшие место злоупотребления.

Сама тема мысли раскрывается уже в основной части речи **Every man has a legal right to investigate...controversial points in Christian religion, but no man, consistently with a law which only exists under its sanctions, has a right not to only broadly deny it's very existence, but to pour forth a shocking and insulting incentive, which the lowest establishments in the gradations of civil authority ought not to be permitted to suffer**. Т. Эрскэйн усиливает сказанное, используя обобщения **every man has a legal right to investigate** и **no man ... has a right not to only broadly**

deny it's very existence. Прокурор делает «ставку» на то, что произведение обвиняемого несёт «оскорбительный» (*insulting*) характер и способствует деморализации общества, особенно малоимущих слоев **The poor, the humble, whom it affects to pity may be stabbed to the heart by it.**

Вторая тема, которая вводится в «бытие» во вступлении и раскрывается в основной части – это тема Христианства. Во вступлении прокурор прежде всего говорит о своём отношении к Христианству в целом и затем начинает развивать саму тему: **“I have been ever deeply devoted to the truths of Christianity...I can conceive a distressed, but virtuous man, surrounded by children, looking up to him for bread when he has none to give them, sinking under the last days labor, and unequal to the next, yet still looking up with confidence to the hour when all the tears shall be wiped from his eyes of affliction, bearing the burden laid upon him by a mysterious Providence which he adores, and looking forward with exultation to the revealed promises of his Creator, when he shall be greater than the greatest, and happier than the happiest of mankind”.** Т. Эрскэйн подчёркивает преступность содеянного на примере самых малоимущих **distressed, but virtuous man**, живущих в страдании и с нетерпением ожидающих дня, когда попадут на Небеса и будут счастливы. Здесь раскрывается состав преступления. По мнению прокурора, он заключается в том, что обвиняемый распространяет лживые сведения о Христианстве, тем самым убивая в людях надежду на спасение.

Далее Т. Эрскэйн зачитывает несколько отрывков из того произведения, которое написал и опубликовал подсудимый. Прокурор заранее выбирает самые вопиющие части, чтобы лучше проиллюстрировать свою мысль:

**Ye gods that all may know: suspend from heaven
A golden chain; let all the immortal host
Cling to it from below; ye could not draw
Strive as ye might, the all-disposing Jove.**

И сразу после этого он выражает собственное отношение к написанному: **“Gentlemen, it would be useless and disgusting to enumerate the other passages within the scope of the indictment”.** Затем прокурор возвращает слушателей к своей главной мысли – недопустимости опубликования подобного произведения в стране, где Христианские традиции являются фундаментом всего: **“How any man can rationally vindicate the publication of such a book in a country where the Christian religion is the foundation of the law of the land, I'm totally at a toss to conceive, and have no wish to discuss”.**

В речь вкрапливаются также ссылки на авторитетных мыслителей эпохи. Т. Эрскэйн опирается на работы великих учёных и философов для укрепления своей позиции. Он уверен, источники настолько авторитетны,

что присяжные не осмелятся с ними не согласиться. Ведь в самом начале речи, прокурор уже сделал попытку «подкупить» присяжных, назвав их «людьми высочайших способностей».

Для демонстрации интеллектуального превосходства христиан над атеистами, обвинитель приводит в пример Исаака Ньютона: **“I will speak plainly and directly. Newton was a Christian! Newton whose mind burst forth from the fetters cast by nature upon our finite conceptions; Newton whose science was truth and the foundation of whose knowledge of it was philosophy”**. Для усиления своего аргумента Т. Эрскайн восклицает: **“Newton was a Christian!”**, - используя это предложение с целью показать весомость и справедливость аналогии. Метафора, **whose mind burst forth from the fetters** показывает, что Ньютон тоже был в поисках истины, но нашёл ответы в религии, а не в атеизме. Наконец, синтаксическая параллелизация в виде анафоры, с повтором словосочетания **Newton whose**, формирует необходимое когнитивное пространство, усиливающее в сознании слушателей авторитет Ньютона.

Затем прокурор приводит в пример Роберта Бойля: **“What shall than be said about Mr. Boyle, who looked into the organic structure of all matter, even to the brute inanimate substances which the foot treads on”**. С целью усилить впечатление автор использует эпитет **brute substances**, а чтобы подчеркнуть некомпетентность подсудимого, он с иронией сравнивает его с великим учёным: **“Such a man may be supposed to have been equally qualified with Mr. Paine to “look through nature, up to nature’s God,”**- тем самым выставляя его как некоего «выскочку», который считает себя таким же учёным, как Р.Бойль.

Продолжая цепочку аргументов, ссылающихся на авторитетных деятелей, прокурор упоминает философа Джона Локка: **“Let the question be answered by Mr. Locke, who was to the highest pitch of devotion and adoration a Christian. Mr. Locke, whose office was to detect the errors of thinking, by going up to the fountains of thought, and to direct into the proper track of reasoning the devious mind of man, by showing him its whole process, from the first perceptions of sense to the last conclusions of ratiocination”**. Следует отметить, что использование метафоры **fountains of thought** в данном предложении направлено не столько на усиление общего впечатления, сколько на повышение авторитета героя аргумента (Дж. Локка). Впечатление усиливается как напрямую, так и косвенно.

Наконец, как последний аргумент, приводится в пример поэт и политик Джон Мильтон. Для усиления эмоционального накала и чувства негодования Т. Эрскайн сравнивает (с определённой долей иронии) подсудимого с Дж.Мильтоном: **“But it is said by Mr. Paine, that the Christian fable is but the tale of the more ancient superstitions of the world, and may be easily detected by a proper understanding of mythologies of the**

heathens. Did Milton understand these mythologies? Was he less versed than Mr. Paine in superstitions of the world?” Результатом использования риторических вопросов: “Did Milton understand these mythologies? Was he less versed than Mr. Paine in superstitions of the world?” и сравнения Пэйна с Дж. Мильтоном становится ещё более негативное отношение присяжных к обвиняемому, хотя они вполне осознают, что Пэйн не писал своё произведение, чтобы выглядеть умнее Дж. Мильтона.

Здесь следует обратить внимание на цепочку, казалось бы довольно однообразных аргументов. Эта структурная особенность в речи Т. Эрскайна способствует усилению впечатления от услышанного. Прокурор использует самую эффективную форму аргументации, ту, которая отражает ценности, взгляды, всех находящихся в зале суда, (2, 207).

Перед переходом к заключительной части речи, прокурор собирает воедино все логические цепочки и аргументы и излагает присяжным свои выводы. Последующий отрезок текста занимает *сильную позицию*, так как на него приходится основная смысловая нагрузка. Это та важная часть в когнитивной структуре текста, где с помощью ключевых слов автор достигает желаемого воздействия на аудиторию: “The religious and moral sense of the people of Great Britain is the great anchor which alone can hold the vessel of the State amid the storms which agitate the world”. Т. Эрскайн представляет религию, как квинтэссенцию благополучия, стабильности и благосостояния государства, для большей ясности используя метафоры *anchor* и *vessel*, которые и являются ключевыми словами данного отрезка текста. На первый план выдвигаются основные тезисы и готовые выводы: именно здесь прокурор обвиняет подсудимого в самом страшном преступлении: “This book... treats the faith and opinions of the wisest with the most shocking contempt, and stirs up men without the advantages of learning or sober thinking to a total disbelief of everything hitherto held sacred, and, consequently to a rejection of all the laws and ordinaries of the State, which stand only upon the assumption of their truth”. Таким образом, прокурор логически завершает серию своих аргументов основанных на авторитете известных деятелей (*faith and opinions of the wisest*), и формулирует последнее обвинение, называя подсудимого врагом государства.

Следует также отметить, что заключительная часть судебной речи по своему содержанию всегда симметрична вступлению (3, 206). В заключении прокурор вновь возвращается к тем вопросам, которые были подняты во вступлении - к вопросу свободы слова: “By what zeal have English liberties been redeemed or consecrated”, - и христианству: “Gentlemen, I cannot conclude without expressing the deepest regret at all attacks upon the Christian religion by authors who profess to promote the civil liberties of the world”. Также упоминается ещё одна тема, затронутая во вступлении: “We see, on the contrary, that nations that have no other light

than that of the nature to direct them, sunk in barbarism". Прокурор вновь возвращается к мысли о том, что своему расцвету цивилизация обязана исключительно религии.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что композиционная структура судебной речи включает три основных компонента: вступление, где описание дела, основная часть, где юрист приводит свои главные аргументы, раскрывает темы, затронутые во вступлении, и делает соответствующие выводы, и заключение, где происходит подведение общего итога для достижения запрограммированного результата – единственно правильного решения. Такая структура судебной речи до сих пор считается наиболее эффективной и оптимальной.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл, М., Наука, 1976
2. Russel R. Windes, Arthur Hastings, Argumentation and Advocacy, Toronto, 1966
3. Поповская Л.В., Риторика для юристов: особенности судебного красноречия, Ростов н/Д, Феникс, 2008